ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И НОВОПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

doi 10.34920/2181-8207/2023/2-066

Шамсиддин Камолиддин,
независимый исследователь, доктор исторических наук, профессор

Тюркские народы с древних времен находились в культурном контакте и взаимодействии со своими близкими соседями, иранскими народами. В частности, через них некоторые тюрки приняли зороастризм. В раннем Средневековье огнепоклонничество было широко распространено в Средней Азии, и важную роль в нем играли древние местные традиции и религиозные верования, которые легли в основу зороастрийской религии. Впоследствии местное население придерживалось этих религиозных верований, отличавшихся от догматического зороастризма. В письменных источниках Средневековья имеется много сведений о распространении зороастризма и других видов огнепоклонничества среди тюрков, ведущих оседлый образ жизни в Хорасане и Согде. Зороастризм и огнепоклонничество были распространены не только среди тюрков, проживающих в городах и оседлых поселениях, но и среди некоторых кочевых тюркских племен. Эти сведения подтверждаются историко-топонимическими исследованиями и археологическими материалами [Камолиддин 2004: 4 – 9].

Древние тюрки восприняли через иранские народы также манихеизм, и это религиозно-философское учение было широко распространено среди западных тюрков, а затем и среди других тюрков, особенно в первой половине VII века [Кляшторный 1964: 144]. В частности, в 762 году манихеизм приняли уйгуры, а за ними карлуки, хакасы, кимаки и другие тюркские племена. Вместе с манихеизмом среди тюрков распространены также согдийский язык и культура. Важную роль в распространении иранского языка среди тюрков сыграли монахи-манихеи, служившие в городских храмах и духовных школах при обителях в городах тюрков. В результате их миссионерской деятельности в IX – XIV веках манихеизм получил широкое распространение среди тюркоязычных народов, проживающих в районах от реки Амур на востоке до реки Дунай на западе. В частности, манихеизм был официальной религией Уйгурского, Хакасского (Кыргызского) каганатов, а также государств Кимаков и Киданей. Все религиозные тексты, относящиеся к манихеизму, были написаны на согдийском языке [Кызласов 2004: 12 – 16]. Поэтому согдийский язык использовался в качестве второго языка всеми народами, проживавшими на огромной территории от Самарканда до Китая [Бартольд 1963а: 190].

Стоит отметить, что, хотя тюрки непосредственно соседствовали с Китаем, в IV – V вв. при создании своей рунической алфавитной системы они использовали согдийскую письменность, производную от арамейской письменности, а не китайскую письменность, основанную на иероглифах [Базылхан 2004: 268]. Это свидетельствует о том, что в культурном отношении тюрки были ближе к иранским народам, чем к китайской культуре [Бартольд 1963а: 183 – 184]. Первые каганы Тюркского каганата наряду с рунической письменностью использовали также пехлевийскую и согдийскую письменность и язык. Официальным языком Первого Тюркского каганата был согдийский [Кляшторный, Лившиц 1971: 121 – 146], а официальным языком тюркских йабгу Тохаристана, входившего в состав Западного Тюркского каганата, был бактрийский [Симс-Вильямс 1997: 3 – 11].

В VII – VIII веках в Восточном Туркестане сформировался уйгурский алфавит, основанный на согдийском алфавите, и распространился также в Средней Азии. Уйгурский алфавит использовался в качестве придворной письменности тюркских правителей Средней Азии, не потеряв своего значения даже в исламский период. В начале XVI века

Стоит отметить, что, хотя тюрки непосредственно соседствовали с Китаем, в IV – V вв. при создании своей рунической алфавитной системы они использовали согдийскую письменность, производную от арамейской письменности, а не китайскую письменность, основанную на иероглифах

в стамбульской казне Османской империи были каллиграфы, умевшие писать уйгурским алфавитом. Уйгурский алфавит использовался в Китае среди принявших ислам тюрков вплоть до XVIII в. [Mansuroglu 1964: 81].

Таким образом, тюрки с VI по XIII века широко использовали согдийский язык и письменность наряду с тюркским языком и письменностью. Именно это послужило основой для широкого распространения среди принявших ислам тюрков новоперсидского языка и литературы.

Новоперсидский язык на основе арабского алфавита (фарси) впервые сформировался в Западном Иране, и в основе его лежит не пехлеви (парси), государственный язык Сасанидов и религиозный язык зороастрийцев, а придворный язык (дари) сасанидских шаханшахов [Ibn al-Nadım I: 13; al-Khwarazmi: 116 – 117]. В раннеисламский период этот язык продолжал развиваться как литературно-письменный язык в Хорасане [Lazard 1971: 376], но в повседневной речи продолжали использоваться среднеперсидский (пехлеви), бактрийский и согдийский.

Нет точных сведений о том, когда были созданы первые литературные произведения на новоперсидском языке на основе арабского алфавита. Сами персы не оставили сведений о персидской поэзии раннеисламского периода [Бартольд 1966: 176; 1971: 450]. Арабские наместники Хорасана поддерживали только поэтов, писавших на арабском языке. Помимо арабов среди них было много персов. Хотя они писали на арабском языке, в своих стихах они прославляли богатую историю Ирана и персидские культурные ценности. Арабы называли их поэтами политико-культурного движения аш-шу'убийя. Некоторые персидские поэты писали стихи на новоперсидском языке, следуя правилам классической арабской поэзии. Многие хорасанские поэты того периода были двуязычными, т.е. арабоязычными и персоязычными [Frye 1970: 133]. На новоперсидском языке писали также некоторые арабские поэты. Согласно арабским источникам, первое персидское стихотворение было написано арабским поэтом Йазидом ибн Муфарригом (умер в 69/689 г.) между 60/682 и 64/686 гг. [Бартольд 1971: 452]. Одним из первых арабских поэтов, писавших на новоперсидском языке, был Абу Нувас ал-Хасан ибн Хани ал-Хакани (747 – 814 гг.), придворный поэт халифа Харуна ар-Рашида (170 – 193/786 – 809 гг.), который в шутку включал некоторые персидские слова в свои арабские стихи [Та'рих-и Систан: 213]. Его отец служил в армии халифа Марвана II (127 – 132/744 –750), последнего омейядского халифа, а мать была персиянкой [Фильштинский 1965: 120 – 121]. Исходя из того, что род его отца был ал-Хакани, а профессия у него была военная, можно предположить, что он был одним из первых тюрков, поступивших на военную службу к арабам. Если это так, то происхождение его сына, поэта Абу Нуваса, также было связано с тюрками.

В исторической работе Абу Джа'фара ат-Табари упоминается четверостишие, произнесенное на персидском языке в Балхе в 108/727-28 году. Это четверостишие было произнесено в Балхе в связи с возвращением войск арабского полководца Асада ибн 'Абд Аллаха (умер в 120/737-38 г.) после поражения от войск тюркского кагана в Хуттале [at-Tabari II: 1492, 1494, 1602]. В 193/809 году, когда халиф ал-Ма'мун (198–218/813–833) вошел в город Мерв, поэт по имени ал-'Аббас ал-Марвази произнес восхваляющее его стихотворение на персидском языке. В нем говорится, что до этого никто не писал стихов на этом языке ['Awfi I: 21; Бартольд 1966: 177; Bosworth 1978: 67].

Ибн Хордадбех цитирует еще одно из первых стихотворений, написанных на новоперсидском языке, автором которого был Абу-т-Таки (Абу-л-Йанбаги) ал-'Аббас ибн Тархан, родом из Шаша или Самарканда [Ибн Хордадбех: 64, 176, прим. 84]. Он жил в Багдаде во время правления халифа ал-Васика (227 – 232/842 – 847), и писал на арабском и персидском языках [Мардонов 1979: 121 – 132]. По мнению В.В. Бартольда, это тот же поэт, что и упоминавшийся ранее поэт 'Аббас ал-Марвази [Бартольд 1966: 177; 1971: 451]. Из его стихотворения известно, что он был родом из Шаша и некоторое время жил в Самарканде. В 186/798-99 году он находился в Мерве и служил при дворе ал-Ма'мун, когда он был назначен наместником Хорасана. Когда ал-Ма'мун стал халифом в 198/813 году, он переехал в Багдад вместе со многими другими хорасанскими поэтами и учеными, и прожил там до конца своей жизни, скончавшись во время правления халифа ал-Васика. Имя отца этого поэта, Тархан, указывает на то, что он был одним из знатных людей Шаша с тюркским титулом Тархан.

Из этих сведений видно, что в становлении новоперсидской литературы и ее первых этапах наряду с арабами и персами участво-

Таким образом, тюрки с VI по XIII века широко использовали согдийский язык и письменность наряду с тюркским языком и письменностью. Именно это послужило основой для широкого распространения среди принявших ислам тюрков новоперсидского языка и литературы

В исторической работе Абу Джа'фара ат-Табари упоминается четверостишие, произнесенное на персидском языке в Балхе в 108/727-28 году. Это четверостишие было произнесено в Балхе в связи с возвращением войск арабского полководца Асада ибн 'Абд Аллаха

Когда ал-Ма'мун стал халифом в 198/813 году, он переехал в Багдад вместе со многими другими хорасанскими поэтами и учеными, и прожил там до конца своей жизни, скончавшись во время правления халифа ал-Васика

вали также тюрки, составлявшие в раннее средневековье часть населения Хорасана. Новоперсидский литературный язык, подчиненный законам классической арабской поэзии придворных поэтов, впервые был введен в первой половине IX века в правление Йа'куба ибн ал-Лайса ас-Саффара, в IX – X вв., в эпоху Саманидов, он получил широкое распространение в качестве литературного языка в Хорасане [Bosworth 1978: 62], а в период Газнавидов в XI в. он был принят в качестве официального языка в восточной части Арабского халифата (т. е. в Тохаристане, Хорасане и Мавераннахре) [Bosworth 1968: 36]. С этого периода новоперсидский язык начал функционировать как lingua franca в восточной части исламского мира.

Известно, что начиная с IX – X вв. в Хорасане и Мавераннахре правили тюркские династии (Саманиды, Газнавиды, Сельджукиды, Хорезмшахи и др.). Тюрки, давно знакомые с культурными ценностями иранских народов, после того, как приняли ислам, проявляли большой интерес к новоперсидскому языку и литературе. Тюркские правители Средней Азии приглашали к своим дворам поэтов, сочинявших на новоперсидском языке, а некоторые из них даже сами пытались сочинять стихи на новоперсидском языке [Бартольд 1963а: 169 – 433; Bosworth 1966: 89]. В правление Караханидов государственные дела помимо арабского велись частью на тюркском, частью на персидском языке [Frye 1967: 70, 73]. Некоторые правители, принадлежащие к династии Караханидов, имели имена и титулы иранского происхождения. Например, Пахлаван аш-Шарк, дехкан, шах, падишах, салар и др. [Кочнев 2006: 31]. Некоторые монеты, чеканенные Караханидами, имеют надписи на новоперсидском языке. Одна из надписей на стене мавзолея Алп Кылич Тунга Билга Турк Тогрул Кара-Хакана, построенного в 547/1152 г. в Узканде, столице Караханидов, написана на новоперсидском языке [Якубовский 1947: 29].

Известно, что начиная с IX – X вв. в Хорасане и Мавераннахре правили тюркские династии (Саманиды, Газнавиды, Сельджукиды, Хорезмшахи и др.). Тюрки, давно знакомые с культурными ценностями иранских народов, после того, как приняли ислам, проявляли большой интерес к новоперсидскому языку и литературе

В правление Караханидов государственные дела помимо арабского велись частью на тюркском, частью на персидском языке [Frye 1967: 70, 73]. Некоторые правители, принадлежащие к династии Караханидов, имели имена и титулы иранского происхождения

В то же время в Иране, родине персидского языка, до конца IX века была распространена литература, написанная на среднеперсидском языке (пехлеви), наряду с литературой на арабском языке [al-Istakhri: 137], а в X веке литературные и исторические сочинения писались только на арабском языке [Frye 1967: 70; Lazard 1971: 376]. Первые мусульманские правители персидского происхождения Тахириды (205 – 259/821 – 873) даже не воспринимали литературу на новоперсидском языке (фарси) и считали ее изучение несовместимым с правоверием. Они были сильно арабизированы и пытались даже возводить свою родословную к арабскому племени хуза'а, клиентом (маула) которого был их предок Тахир ибн ал-Хусайн [Bosworth 1973: 53 – 54, 56 – 57]. Хотя родным языком Тахира ибн ал-Хусайна и его потомков был персидский, они даже в личной переписке использовали исключительно арабский язык и почитали арабскую культуру [Бартольд 1971: 506]. Многие из представителей семейства Тахиридов имели местопребывание в Багдаде и считали для себя престижным относить себя к числу арабов [Bosworth 1969: 47 – 48]. Многие из них писали стихи и были мастерами прозы на арабском языке, а другие были известными учеными и богословами [Bosworth 1969: 54, 77]. К персидской литературе они относились с открытой враждебностью и приказывали сжигать и уничтожать сочинения на персидском языке [Бартольд 1966: 177; 1971: 509]. 'Абд Аллах ибн Тахир отказался слушать преподнесенный ему персидский романс, бросил книгу в реку и приказал сжечь все книги зороастрийцев [Tritton 1970: 99].

К арабам возводили свое происхождение и дайламиты [Bosworth 1973: 54]. Иранские Зийариды и Бувайхиды, считавшие себя хранителями и продолжателями политических традиций сасанидского времени, не привнесли с собой никаких литературных традиций, всецело подчинились влиянию арабской литературы и были совершенно равнодушны к новоперсидской [Бартольд 1966: 179; 1971: 287, 368]. Бувайхидский правитель 'Адуд ад-Даула, пытавшийся представить себя продолжателем традиций сасанидских государей, называл себя шаханшахом и использовал на своих монетах пехлевийскую письменность. Он проявлял большой интерес к древней истории персов и, посетив развалины столицы Ахеменидов Персеполис, оставил там свою памятную надпись [Bosworth 1978: 62]. Однако 'Адуд ад-Даула, так же, как и другие Бувайхиды, не проявлял интереса к новоперсидскому языку и литературе. Династийная история Бувайхидов была написана не на новоперсидском языке (фарси), как, например, у Газнавидов[1],

1 История Газнавидов написана на арабском («Та'рих ал-Йамини» Абу Насра Мухаммада ал-'Утби) и персидском языках («Зайн ал-ахбар» Гардизи и «Та'рих-и Мас'уд» Абу-л-Фадла Байхаки).

Саффаридов[2] и Сельджукидов[3], а на арабском [Bosworth 1978: 69]. На арабском языке при Бувайхидах был написан известный труд «Макамат» Бади‘ аз-Заман ал-Хамадани (ум. в 397/1006-07 г.). Труд Абу ‘Али ибн Сина «Даниш-нама-и ‘Ала’и», посвященный бувайхидскому правителю Исфахана ‘Ала’ ад-Даула, так же, как и большинство других его трудов, был написан на арабском языке, хотя он писал также научные труды на фарси [Ибн Сина 1957]. Даже истории таких иранских городов, как Кум и Исфахан были написаны в X – XI вв. на арабском языке [Frye 1965: 225]. На арабском же языке были написаны истории Бухары (X в.), Самарканда (XII в.), Джурджана (XI в.), Нишапура (XII в.), Мерва (XII в.) и Балха (XIII в.). Вся государственная документация и переписка, канцелярские и общественные дела в Персии велись на арабском языке [al-Istakhri: 137]. Литература на новоперсидском языке при Бувайхидах была незначительной и в своем развитии почти не выходила за рамки поэзии [Bosworth 1978: 74]. Арабский язык господствовал здесь вплоть до монгольского завоевания, и широкое употребление персидского языка в исторической литературе начинается только в XIII в. [Бартольд 1971: 287 – 288; Lazard 1971: 376].

Первыми мусульманскими правителями, оказавшими официальную поддержку новоперсидскому языку и литературе были Саффариды Йа‘куб ибн ал-Лайс (253 – 265/867 – 879) и его брат ‘Амр ибн ал-Лайс (265 – 288/879 – 901). Известны имена нескольких персоязычных поэтов, служивших при дворе Рафи‘ ибн ал-Лайса [Та’рих-и Систан: 211 – 212]. Однако это продолжалось недолго. После победы Исма‘ила ибн Ахмада ас-Самани над ‘Амр ибн ал-Лайсом и присоединении его владений к Мавераннахру покровительство персоязычным поэтам взяли в свои руки тюркские правители, и в дальнейшем развитие персидской литературы продолжалась при дворах Саманидов, Газнавидов, Караханидов, Сельджукидов и Хорезмшахов [Бартольд 1971: 253].[4] При дворе Саманидов в Бухаре, наряду с многочисленными арабоязычными поэтами[5], нашли убежище такие персоязычные поэты, как Рудаки, Киса’и, Дакики и Фирдоуси. При Саниде Насре ибн Ахмаде (правил в 301 – 331/914 – 943 гг.) вазир Абу-л-Фадл Бал‘ами перевел с арабского на фарси сочинение «Калила и Димна», которое затем было переложено в стихи поэтом Рудаки [Бартольд 1971: 406].

Около 320/932 г. по поручению Насра ибн Ахмада факих Абу-л-Касим Исхак ибн Мухаммад ас-Самарканди (ум. в 342/953-54 г.) написал сочинение по фикху, которое затем было переведено на фарси [Бартольд 1963а: 194]. Вазир Абу ‘Али ал-Бал‘ами по приказу Мансура ибн Нуха (правил в 350 – 365/961 – 976 гг.) перевел на фарси исторический труд ат-Табари «Та’рих ар-русул ва-л-мулук» (История пророков и государей) и его труд «Джами‘ ал-байан фи тафсир ал-Кур’ан» (Полное собрание по толкованию Корана) [Bosworth 1978: 74]. Вместе с тем на фарси переводились и лучшие образцы классической арабской поэзии [Frye 1967: 71]. Во второй пол. X в. на новоперсидском языке был написан географический труд «Худуд ал-‘алам» («Границы мира») [Худуд ал-‘Алем]. Предполагается, что, он также был переведен с арабского языка, так как его структура и стиль обнаруживают близкое сходство со структурой и стилем сочинений так называемых «арабских» географов.

Самым ранним из дошедших до нас научных трудов, написанных на фарси, является труд по фармакологии Абу Мансура Муваффака ибн ‘Али ал-Харави, написанный в Герате для Саманида Мансура ибн Нуха (правил в 350 – 365/961 – 976 гг.).[6] На но-

Литература на новоперсидском языке при Бувайхидах была незначительной и в своем развитии почти не выходила за рамки поэзии [Bosworth 1978: 74]. Арабский язык господствовал здесь вплоть до монгольского завоевания, и широкое употребление персидского языка в исторической литературе начинается только в XIII в

При Саниде Насре ибн Ахмаде (правил в 301 – 331/914 – 943 гг.) вазир Абу-л-Фадл Бал‘ами перевел с арабского на фарси сочинение «Калила и Димна», которое затем было переложено в стихи поэтом Рудаки

2 История Саффаридов отражена в сочинении «Та’рих-и Систан» неизвестного автора, жившего в XI в.

3 История Сельджукидов написана на арабском («Зубдат ат-таварих» Саййид Садр ад-Дина ал-Хусайни) и персидском языках («Сийасат-нама» Низам ал-Мулка).

4 Персидский язык оставался под опекой официальных властей и в правление более поздних тюркских династий [Фольц 2018: 63 – 85].

5 Всего известны имена более 120 арабоязычных поэтов, служивших при различных дворах саманидских правителей [ас-Саолибий 1976: Указатель имен].

6 Его рукопись была переписана в 447/1055-56 г. [Frye 1955b: 142].

воперсидском языке написаны некоторые научные труды Абу ‘Али ибн Сина (ум. в 428/1036-37 г.) [Ирисов 1980: 131]. Один труд Абу Райхана Беруни (ум. в 440/1048-49 г.), который называется «ат-Тафхим ли ава’ил сина‘ат ат-танджим» («Руководство в основах искусства астрологии»), дошел до нас как на арабском, так и на новоперсидском языках. Который из них был первичным неизвестно [Bosworth 1978: 71].

Ярким примером о противоположных отношениях к новоперсидскому языку в X в. является судьба поэта Фирдоуси. Когда он решил уйти от Махмуда Газнави к поборникам сасанидских традиций Бувай-хидам, он был отвергнут ими и вернулся в свой родной город Тус, где и умер

При дворе Газнавидов, которые были продолжателями государственных и культурных традиций Саманидов [Bosworth 1968: 36 – 37], творили такие персоязычные поэты как Фирдоуси, ‘Унсури, Манучихри, Асджади, Фаррухи, Гада‘ири и др. [Низами: 57; Бертельс 1988: 8 – 12]. По некоторым данным, даже султан Махмуд Газнави сочинял стихи на фарси (‘Ауфи) [Bosworth 1966: 89]. Ему приписывается авторство сочинения по фикху (Катиб Челеби) [Bosworth 1978: 70]. Его брат Исма‘ил писал сочинения в прозе и стихах, и выступал с речами в литературных кругах [Ибн ал-Асир IX: 54]. Можно предполагать, что он писал на новоперсидском языке, хотя о языке его произведений и выступлений ничего не сообщается. Поэты Фаррухи и Дакики получили известность во время службы при дворе амиров Чаганийана [Ртвеладзе 1983: 177]. XI в. вообще был «золотым веком» персидской литературы, получившей развитие при Газнавидах [Бартольд 1971: 285]. Ярким примером о противоположных отношениях к новоперсидскому языку в X в. является судьба поэта Фирдоуси. Когда он решил уйти от Махмуда Газнави к поборникам сасанидских традиций Бувай-хидам, он был отвергнут ими и вернулся в свой родной город Тус, где и умер [Бартольд 1966: 179]. Мусульманский священник отказался читать похоронную молитву над ним за то, что он воспевал персидских государей [Tritton 1970: 99]. Махмуд Газнави, хотя и поздно, но все-таки признал гениальную работу Фирдоуси и отправил за нее вслед поэту вознаграждение 60 тыс. динаров, но когда посланец прибыл в Тус, поэта уже не было в живых [Bosworth 1966: 89; 1968: 40]. При Газнавидах были написаны такие исторические труды как «Зайн ал-ахбар» Гардизи, «Гурар ахбар мулук ал-Фарс» ас-Са‘алиби, «Та’-рих-и Мас‘уд» Байхаки, и др. Из научных трудов на персидском языке были написаны медицинская энциклопедия Абу Бакра Раби‘ ибн Ахмада ал-Ахавайн ал-Бухари, ученика ар-Рази, переписанная в 478/1085-86 г., и «Андарз-нама» («Книга рецептов»), переписанная в 483/1090-91 г. предположительно в Газне. Письмо этих двух памятников очень архаично и в своем развитии стоит между куфическим и персидским насхом. Оно значительно отличается от письменности Западного Ирана и характерно только для восточного Хорасана, а впослед-ствии имело широкое распространение среди тюрков Хорезма, Волжской Булгарии и Золотой Орды [Frye 1955a: 67, 71, 73 – 74; 1955b: 142]. Язык «Андарз-нама» также весьма архаичный и содержит много пехлевийских реликтов. В нем есть миниатюры с изображением людей и животных [Frye 1955b: 140, 142 – 143].

Почитателями персидского языка были также Караханиды, при дворе которых протекала деятельность целого ряда персоязычных поэтов [Низами: 57]. Так, при дворе Караханидов в Самарканде начал свою карьеру поэт Захир ад-Дин ал-Фарйаби [Frye 1967: 72]. Большим любителем поэзии был Хизр ибн Ибрахим Тамгач-хан, который собрал вокруг себя замечательных поэтов со всего Мавераннахра, Ферганы и других областей Средней Азии [Низами: 77]. В 522/1128 г. при Караханидах на новоперсидский язык была переведена «Та’-рих Бухара» («История Бухары») Наршахи, написанная на арабском языке для одного из последних саманидских амиров Мансура ибн Нуха (правил в 387 – 389/997 – 999 гг.) [Камалиддинов 1997: 112 – 113]. Караханиды были первыми мусульманскими правителями, использовавшими персидский язык в монетном чекане. Некоторые Караханиды носили такие иранские эпитеты и титулы как Пахлаван аш-Шарк (Богатырь Востока), дихкан, шах, падшах, шаханшах, салар [Кочнев 1993: 10, 11]. На некоторых караханидских мо-

нетах выбивались изречения на персидском языке, а отсутствие определенного артикля (ал-) в некоторых из арабских почетных прозваниях так-же свидетельствует о влиянии языковых норм персидского языка. Применение персидского языка в такой официальной сфере, как монетные легенды, где традиционно господствовал арабский язык, указывает на то, что караханидские правители придавали персидскому языку большое значение [Кочнев 1993: 14, 55].

Но самое важное, что Караханиды были первыми мусульманскими правителями, использовавшими персидский язык в надписях на стенах погребальных сооружений. Использование персидского языка в надписях на стенах своих усыпальниц говорит о том, что они рассматривали персидский язык в качестве языка религии наряду с арабским. Именно XI – XII вв., т.е. эпохой Караханидов, датируются и самые ранние надгробные эпитафии на фарси [Массон 1953: 27; Жуков 1956: 30 – 32; Додхудоева 1981: 164 – 168]. Если Сельджукидам принадлежит заслуга в придании персидскому языку официального статуса, то Караханиды сделали первый шаг на пути к сакрализации персидского языка. Между тем в самом Иране нет ни одной усыпальницы и вообще архитектурного памятника домонгольского времени, в котором были бы персоязычные надписи [Anisi 2007].

Здесь возникает закономерный вопрос: в чем же была причина того, что тюрки были такими ревностными сторонниками внедрения новоперсидского языка. Дело в том, что до арабского завоевания, т. е. в эпоху Тюркского каганата (VI – VIII вв.), тюрки Средней Азии через посредство согдийцев приняли манихеизм, который в первой пол. VII в. получил особенно широкое распространение среди западных тюрков, а затем распространился среди других тюрков [Кляшторный 1964: 144]. В 762 г. манихеизм приняли уйгуры, и в IX в. эта религия стала господствующей в Уйгурском каганате. Манихеизм приняли также хакасы, кимаки и некоторые другие тюркские племена и народы. Вместе с манихеизмом среди тюрков получили широкое распространение согдийский язык и культура [Кызласов 2004: 12 – 20]. Официальным языком манихейской церкви Средней Азии сначала был парфянский, а со второй пол. VI в. – согдийский [Литвинский, Зеймаль 1971: 115]. Согдийский язык был одним из двух официальных языков Тюркского каганата [Кляшторный, Лившиц 1971: 121 – 146]. Тюркские правители Средней Азии чеканили свои монеты с согдийскими надписями. Среди тюрков получили широкое распространение согдийский язык и письменность. Тюркская руническая письменность развивалась на основе протописьменности степных кочевников идеограмо-тамговой формы, но последующее ее развитие происходило под влиянием согдийской письменности арамейского происхождения. В VII – VIII вв. в Восточном Туркестане наряду с руническим алфавитом широко использовался уйгурский алфавит, построенный на основе согдийской графики, который распространился и в Средней Азии. Персидский автор нач. XIII в. отмечал, что до ислама у тюрков была своя письменность: согдийская и токуз-огузская (уйгурская). Они обучали детей грамоте и умели слагать стихи – касыды и руба'и [Мерверруди: 90 – 93].

Все эти данные показывают, насколько важную роль до ислама играл согдийский язык в жизни тюрков Средней Азии, который фактически был для них вторым языком, т.е. языком религии и государства. В эпоху Тюркского каганата в Средней Азии в условиях согдийско-тюркского двуязычия шел активный процесс этнокультурного взаимовлияния согдийцев и тюрков, который в конечном итоге привел к слиянию этих двух народов [Krippes 1991: 67 – 80]. Даже после ассимиляции согдийцев среди оседлых тюрков согдийский язык продолжал использоваться не принявшей ислам тюркской знатью вплоть до XIII в. 1 Именно этот фактор играл важную роль в том, что новоперсидский язык и литература получили столь стремительное развитие в исламизированной тюркской среде [Кызласов 2004: 11].

Арабское завоевание, несомненно, оказало влияние на этническую ситуацию в Средней Азии и привело к некоторому сокращению местного населения в результате вынужденного переселения части согдийцев и тюрков за пределы Арабского халифата, и заселения на их место колонизаторов арабского и персидского происхождения. Значительную часть арабских войск и их администрации составляли так называемые «клиенты» (маула) из числа принявших ислам иранцев, которые часто выступали в роли посредников между арабами и местным населением. Арабско-персидские колонизаторы проводили активную политику иранизации ▶

Но самое важное, что Караханиды были первыми мусульманскими правителями, использовавшими персидский язык в надписях на стенах погребальных сооружений. Использование персидского языка в надписях на стенах своих усыпальниц говорит о том, что они рассматривали персидский язык в качестве языка религии наряду с арабским

Тюркская руническая письменность развивалась на основе протописьменности степных кочевников идеограмо-тамговой формы, но последующее ее развитие происходило под влиянием согдийской письменности арамейского происхождения

местного населения [Бартольд 1963а: 121]. Распространение ислама в Средней Азии происходило через посредство новоперсидского языка (фарси), который выполнял здесь роль ретранслятора и орудия пропаганды ислама среди местного населения [Бартольд 1966: 242]. Поэтому этот язык очень скоро стал lingua franca для всей восточной части мусульманского мира [Frye 1967: 74]. Все арабские 'улама' Хорасана и Мавераннахра должны были знать Коран как на арабском языке, так и на фарси [Frye 1970: 132]. В первой мечети, которая была построена в Бухаре в 94/712-13 г., текст Корана читался на парси, так как местным жителям было трудно выучить арабский язык. Да и персидский язык для них был непонятен, поэтому позади молящихся стоял специальный человек, который подсказывал им по-согдийски, когда нужно было становиться на колени или выполнять какой-либо другой ритуал [Наршахи: 53]. Таким образом, вместе с исламом среди местного населения искусственно распространялся и новоперсидский язык. Известно, что один из мусульманских миссионеров в 110/728-29 г. отказался от пропаганды ислама в Самарканде на том основании, что он не был искусным в новоперсидском языке [Гафуров 1972: 374]. Таким же образом, при посредстве новоперсидского языка, происходило и дальнейшее распространение ислама среди тюркского населения Исфиджаба, Тараза, Фараба и других завоеванных ранними Саманидами земель Туркестана. Потому что Саманиды, будучи выходцами из Хорасана и ставленниками 'Аббасидов, в своей внутренней политике опирались, прежде всего, на иранскую культуру и исламских 'улама' [Meisami 2000: 367].

Активная колонизаторская политика проводилась арабами и персами преимущественно в Согде и южной части Тохаристана. В результате к сер. X в. новоперсидский язык вытеснил согдийский в Согде и бактрийский – в Тохаристане, а тюркский стал языком врагов ислама, с которыми велись священные войны – джихад

Эти процессы нашли свое отражение в сочинении Наршахи, который отмечает, что «в правление Кутайбы ибн Муслима (правил в 86 – 96/705 – 715 гг.) все города Мавераннахра были поделены между арабами и персами» [Наршахи: 50 – 52], а также в сочинении Махмуда Кашгари, согласно которому, «после того, как в городах Мавераннахра значительно возросло количество персов, они стали похожи на города 'Аджама» [Кошгарий III: 164; Bosworth 1963: 207]. Эти сведения подтверждаются топономическими исследованиями, согласно которым, активное формирование западноиранской (персидской) топонимии на территории Средней Азии началось после арабского завоевания [Хромов 1980: 136].

Активная колонизаторская политика проводилась арабами и персами преимущественно в Согде и южной части Тохаристана. В результате к сер. X в. новоперсидский язык вытеснил согдийский в Согде и бактрийский – в Тохаристане, а тюркский стал языком врагов ислама, с которыми велись священные войны – джихад. Что касается других областей Средней Азии, например, Хорезма, то он остался в стороне от этих процессов, там новоперсидский язык не получил широкого распространения, и продолжавшийся много веков процесс взаимовлияния ираноязычных и тюркоязычных хорезмийцев завершился их слиянием [Бартольд 1963а: 122]. Поэтому уже в XII – нач. XIII вв. среди местного населения Хорезма не было ираноязычных пластов [Бартольд 1966: 244].

Принявшие ислам тюркские правители не стремились внедрять тюркский язык в подвластных им странах. Они не использовали его даже в качестве придворного, что могло бы в дальнейшем повысить его роль в качестве языка администрации. Наоборот, они использовали при своих дворах арабский, а еще больше персидский языки [Frye, Sayili 1945: 308]. Тюрки первыми стали использовать новоперсидский язык (фарси) в канцелярии наряду с арабским [Бартольд 1971: 253]. Когда Саманид Ахмад ибн Исма'ил (правил в 295 – 301/917 – 914 гг.) снова сделал языком официальных бумаг арабский, это вызвало недовольство тюркской гвардии, и он был убит собственными гуламами [Бартольд 1963: 300]. Таким образом, проводниками идей иранского возрождения в исламе и влияния новоперсидского языка были именно тюрки, которые в первые века ислама стояли во главе многих областей халифата.1

Принявшие ислам тюркские правители не стремились внедрять тюркский язык в подвластных им странах. Они не использовали его даже в качестве придворного, что могло бы в дальнейшем повысить его роль в качестве языка администрации

Таким образом, тюркские народы долгое время находились под сильным культурным влиянием соседних иранских народов, от которых они приняли зороастризм и манихеизм. В культурной жизни тюрков особое значение имели согдийцы, с которыми тюрки имели тесные этнокультурные отношения. В результате этих естественных и ненасильственных процессов сближения и смешения двух народов согдийцы полностью слились с оседлыми тюрками Средней Азии и Восточного Туркестана.

Тюрки приняли ислам через посредство

персов. Поэтому в средние века для тюрков персидский язык считался таким же почитаемым языком, как и арабский. Тюркские правители Средней Азии широко использовали персидский язык в системе управления и при своих дворах, покровительствовали литературе на персидском языке. Если Сельджукидам принадлежит заслуга в придании персидскому языку официального статуса, то Караханиды сделали первый шаг на пути к сакрализации персидского языка. Эта традиция продолжалась в Средней Азии и в позднем средневековье вплоть до самого русского завоевания. После этого вместо персидского языка в общественной жизни Туркестана все более важную роль стал занимать русский язык, активно внедряемый колониальной властью среди местного населения.

Использованная литература

Источники

1. Ибн ал-Асир – Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари. Ал-Камил фи-т-та’рих. В 12 томах. Миср: Булак, 1883 – 1885.

2. Ибн Сина 1957 – Ибн Сина. Данишнамэ. Книга знания. Сталинабад: Тадж. гос. изд-во, 1957.

3. Ибн Хордадбех – Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986.

4. Кошгарий – Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девону луготит турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960 – 1963.

5. Мерверруди – Мухаммад ибн Мансур Мерверруди. Та’рих-и Мубарак-шах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. С. 90 – 93.

6. Наршахи – Мухаммад ан-Наршахи. Та’рих-и Бухара. История Бухары. Вступительная статья Д.Ю. Юсуповой. Перевод комментарии и примечания Ш. С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

7. Низами ‘Арузи – Низами ‘Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы / Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной под ред. А. Н. Болдырева. М.: ИВЛ, 1963.

8. ас-Саолибий 1976 – Абу Мансур ас-Саолибий. Йатимат ад-даҳр фи маҳосин ал-‘аср / Тадқиқ қилувчи, таржимон, изоҳ ва кўрсаткичларни тузувчи И. Абдуллаев. Тошкент: Фан, 1976.

9. Та’рих-и Систан – Та’рих-и Систан (История Систана) / Перевод, введение и комментарий Л. П. Смирновой. М.: Наука, 1974.

10. Худуд ал-‘Алем – Худуд ал-‘Алем. Рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

11. ‘Awfi – Muhammad ‘Awfi. Lubabu’l-Albab, part I / Edited in the original Persian, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian by E. G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu‘l-Wahhab-i-Qazwini. London: Luzac & Co.; Leiden: E. J. Brill, 1906.

12. Ibn al-Nadim – Kitab al-Fihrist. Mit anmerkungen hrsg. von G. Flügel / Band I – II. Leipzig. 1871 – 1872.

13. al-Istakhri – Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

14. al-Khwarazmi – Abu ‘Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof al-Katib al-Khwarazmi. Mafatih al-‘ulum / Ed. G. van Vloten. Leiden: E. J. Brill, 1895.

15. at-Tabari, Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Annales / Ed. M. J. de Goeje, I – III series. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1964.

Научная литература

16. Азадийан, Хакими 1393 – Азадийан Ш., Хакими Х. Салджукийан ва химайат аз адабиййат-и фарси [The Seljuks patronage of Persian literature] // Адаб-и Фарси, сал 4, шумарэ 1, бахар ва табистан 1393, шумарэ пейапи 13. С. 73 – 92.

17. Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

18. Бартольд 1963а – Бартольд В. В. История Туркестана (конспект лекций) // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 109 – 166.

19. Бартольд 1963а – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 169 – 433.

20. Бартольд 1966 – Бартольд В. В. Культура мусульманства // Соч. в 9 томах. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 143 – 206.

Тюркские правители Средней Азии широко использовали персидский язык в системе управления и при своих дворах, покровительствовали литературе на персидском языке. Если Сельджукидам принадлежит заслуга в придании персидскому языку официального статуса, то Караханиды сделали первый шаг на пути к сакрализации персидского языка

21. Бартольд 1966 – Бартольд В. В. Мусульманский мир // Соч. в 9 томах. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 207 – 297.

22. Бартольд 1971 – Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор / Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 229 – 334.

23. Бартольд 1971 – Бартольд В.В. Персидское шу'убиййа и современная наука // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 359 – 370.

24. Бартольд 1971 – Бартольд В. В. К истории персидского эпоса // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 383 – 408.

25. Бартольд 1971 – Бартольд В. В. К вопросу о ранней персидской поэзии // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 450 – 452.

26. Бартольд 1971 – Бартольд В. В. Тахир ибн ал-Хусайн // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 506 – 507.

27. Бертельс 1988 – Бертельс Е. Э. Хаким Унсури из Балха // Бертельс Е. Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988. С. 8 – 12.

28. Гафуров 1972 – Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.

29. Додхудоева 1981 – Додхудоева Л. Надгробия XII в. из Самарканда с двуязычными эпитафиями // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981. С. 163 – 170.

30. Жуков 1956 – Жуков В. Д. Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. // Эпиграфика Востока, вып. 11. М.; Л., 1956. С. 30 – 32.

31. Ирисов 1980 – Ирисов А. Абу Али ибн Сино ҳаёти ва ижодий мероси. Тошкент: Фан, 1980.

32. Камалиддинов 1997 – Камалиддинов Ш. С. К биографии Наршахи // O'zbekistonda ijtimoiy fanlar, 1997, № 9-10-11. С. 112 – 113.

33. Камолиддин 2004 – Камолиддин Ш. С. О распространении зороастризма среди тюрков // ЎзМУ хабарлари (Вестник НУУз, Acta NUUz). Ташкент: Университет, 2004, № 4. С. 4 – 9.

34. Кляшторный 1964 – Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

35. Кляшторный, Лившиц 1971 – Кляшторный С. Г. Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971. С. 121 – 146.

36. Кочнев 1993 – Кочнев Б. Д. Караханидские монеты: Источниковедческое и историческое исследование / АР дисс. ... д. и. н. М., 1993.

37. Кочнев 2006 – Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991 – 1209). Часть 1. Источниковедческое исследование. М.: София, 2006.

38. Курпалидис 1992 – Курпалидис Г. М. Икта' и мулк в официальных документах XII в. (по «Атабат ал-катаба») // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. БЧ, 1975 г. М., 1979. С. 102 – 109.

39. Кызласов 2004 – Кызласов Л. Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия) // Вестник МГУ, сер. 8. История. 2004, № 3. С. 5 – 20.

40. Литвинский, Зеймаль 1971 – Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1971.

41. Мардонов 1979 – Мардонов Т. Об одном раннем двуязычном персидско-таджикском поэте // Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979. С. 121 – 132.

42. Массон 1953 – Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

43. Ртвеладзе 1983 – Ртвеладзе Э. В. К биографии Фаррухи (К истории Чаганиана в X – XI вв.) // Художественная культура Средней Азии IX – XIII вв. Ташкент, 1983. С. 177 – 181.

44. Симс-Вильямс 1997 – Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории, 1997, № 3. С. 3 – 11.

45. Фильштинский 1965 – Фильштинский И. М. Арабская классическая литература. М.: Наука, 1965.

46. Фольц 2018 – Фольц Р. Тюрки: строители империй и защитники персидской культуры (1027 – 1722) // Духовно-исторические связи народов Ирана и Дашти Кипчака. Мат-лы Международной научно-практической конференции «Духовно-исторические связи народов Ирана и Дашти Кипчака» (15-16 мая 2017 г., Алматы). Алматы, Изд. дом «Библиотека Олджаса» 2018. С. 63 – 85.

47. Хромов 1980 – Хромов А. Л. Некоторые особенности формирования топонимики Средней Азии в IX – XIII вв. // Ономастика Востока. М., 1980. С. 132 – 138.

48. Якубовский 1947 – Якубовский А. Ю. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде // Эпиграфика Востока, 1947, № 1. С. 27 – 32.

49. Anisi 2007 – Alireza Anisi. Early Islamic architecture in Iran (637 – 1059) / PhD thesis. The University of Edinburgh, 2007.

50. Bosworth 1963 – Bosworth C. E. The Ghaznavids. Their empire in Afghanistan and Eastern Iran (994-1040). Edinburgh: University Press, 1963.

51. Bosworth 1966 – Bosworth C. E. Mahmud of Ghazna in contemporary eyes and in later Persian literature, in: Iran, IV. London, 1966, p. 85 – 92 / Reprinted in: Bosworth C. E. The Medieval history of Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, XVI.

52. Bosworth 1968 – Bosworth C. E. The Development of Persian culture under the early Ghaznavids, in: Iran, VI. London, 1968, p. 33 – 44 / Reprinted in: Bosworth C. E. The Medieval history of Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, XVIII.

53. Bosworth 1969 – Bosworth C. E. The Tahirids and Arabic culture, in: Journal of Semitic Studies XIV. Manchester, 1969, p. 45 – 79 / Reprinted in: Bosworth C.E. Medieval Arabic cultures and Administration. London: Variorum Reprints, 1982, II.

54. Bosworth 1973 – Bosworth C. E. The Heritage of rulership in early Islamic Iran and the search for dynastic connections with the past, in: Iran, XI, London, 1973, p. 51 – 62 / Reprinted in: Bosworth C. E. The Medieval history of Iran, Afghanistan and Central Asia. London: Variorum Reprints, 1977, VII.

55. Bosworth 1978 – Bosworth C. E. The Interaction of Arabic and Persian literature and culture in the 10th and early 11th centuries, in: al-Abhath, XXVII. Beirut, 1978-9, p. 59 – 75 / Reprinted in: Bosworth C. E. Medieval Arabic cultures and Administration. London: Variorum Reprints, 1982, VIII.

56. Frye 1955a – Frye R. An Early Arabic Script in Eastern Iran, in: Donum natalicum H.S.Nyberg oblatum, Uppsala, 1955, p. 67 – 74 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XX.

57. Frye 1955b – Frye R. Notes on the Renessance of the 10th and 11th centuries in Eastern Iran, Central Asiatic Journal I. The Hague/Wiesbaden, 1955, p. 137 – 143 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XXI.

58. Frye 1965 – Frye R. The New Persian Renaissance in Western Iran, in: Arabic and Islamic Studies in Honor of Hamilton A. R. Gibb / Ed. by G. Makdisi. Leiden: E. J. Brill, 1965, p. 225 – 231 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XXII.

59. Frye 1967 – Frye R. Development of Persian Literature under the Samanids and Qarakhanids, in: Yadnama-ye Jan Rypka. Prague, 1967, p. 69 – 74 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XXIII.

60. Frye 1970 – Frye R. The Arabic Language in Khorasan, in: Iran Society Silver Jubilee Souvenir. Calcutta, 1970, p. 131 – 134 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XXIV.

61. Frye, Sayili 1945 – Frye R. N., Sayili A. M. The Turks in Khorasan and Transoxania at the time of the Arab conquest, in: The Moslem World XXXV, Hartford, 1945, p. 308 – 315 / Reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries). London: Variorum Reprints, 1979, XIII.

62. Krippes 1991 – Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // CAJ, vol. 35, 1991, p. 67 – 80.

63. Lazard 1971 – Lazard G. Pahlavi, Parsi, Dari. Les Langues de l'Iran d'apres Ibn al-Muqaffa', in: Iran and Islam, in memory of the late V. Minorsky / Ed. by C. E. Bosworth. Edinbourgh University Press, 1971, p. 361 – 391.

64. Mansuroglu 1964 – Mansuroglu M. Turkish Literature through the ages, in: Central Asiatic Journal, vol. 9. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964, p. 81 – 112.

65. Meisami 2000 – Meisami J. S. Why write history in Persian? Historical writing in the Samanid period // Studies in honour of Clifford Edmund Bosworth, vol. II. The Sultan's Turret: Studies in Persian and Turkish Culture (ed. by C. Hillenbrand). Leiden – Boston – Koln: Brill, 2000, p. 348 – 374.

66. Tritton 1970 – Tritton A. S. The Caliphs and their non-Muslim subjects. A Critical Study of the Covenant of 'Umar. London: Franc Cass and Co Ltd., 1970. ■